Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

ПУБЛИКАЦИЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО ФИЛОЛОГА, ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ И ТОПОНИМИКИ КРАЯ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА МОИСЕЕВА

УДК 811.162.3

А. И. Изотов

Диалект в чешском художественном тексте

В статье рассматривается феномен современного чешского обиходно-разговорного койне, которое распространено на большей части территории современной Чешской республики, где оно вступает в диглоссные отношения с чешским литературным языком (на остальной части территории страны в подобные же отношения с литературным чешским языком вступает местный диалект/интердиалект). Данная ситуация закономерно отражается, хотя и в разной степени, в произведениях художественной литературы. Экспансия обиходно-разговорного чешского койне/диалекта в области, изначально закрепленные за литературным чешским языком, способствует трансформации диглоссной ситуации в постдиглоссную.

***Ключевые слова*:** диалект, обиходно-разговорное чешское койне, литературный чешский язык, диглоссия, переключение кодов, регистр, художественная литература.

Характерной особенностью современной чешской языковой ситуации является её близость к классической ситуации диглоссии как особого варианта двуязычия, при котором на одной и той же территории в одном и том же социуме сосуществуют два идиома («высокий» и «низкий»), применяемые их носителями в различных функциональных сферах. На большей части территории современной Чешской республики (западные две трети её территории) мы обнаруживаем, с теми или иными оговорками, все основные признаки классической диглоссии в понимании Ч. Фергюсона [21], а именно:

1. Различаются «высокий» (spisovná čeština) и «низкий» (obecná čeština) идиом, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции: в ситуациях, когда употребляется один из них, неуместно, а часто и невозможно употребление другого.

2. Социальный престиж первого идиома (spisovná čeština — ‘литературный чешский язык’) высок, социальный престиж второго идиома (obecná čeština — ‘обиходно-разговорное чешское койне’) низок.

3. Литературный чешский язык соотносится с многовековой литературной традицией: так называемая «Пражская Библия» на чешском языке была напечатана в 1488 году — за 93 года до Острожской Библии Ивана Фёдорова.

4. Обиходно-разговорный чешский усваивается «естественным» путем, то есть через живое общение, литературный чешский усваивается в школе посредством формального обучения.

5. Литературный чешский кодифицирован, обиходно-разговорный чешский не кодифицирован, хотя и характеризуется общепринятой в социуме имплицитной нормой.

6. Сложившаяся чешская диглоссная ситуация достаточно стабильна, во всяком случае, она существует в течение целого ряда поколений.

7. Грамматический строй обиходно-разговорного чешского на синхронном уровне выглядит как упрощённый вариант грамматического строя литературного чешского.

8. Хотя основная часть лексики является общей для обоих идиомов, существует немалое количество лексических вариантов, выбор одного из которых однозначно относит высказывание к литературному чешскому или же к обиходно-разговорному чешскому.

© Изотов А. И., 2015

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

9. Система фонем обоих идиомов идентична или практически идентична (возможны неоднозначные интерпретации фонологического статуса некоторых единиц или их сочетаний).

Истоки данного положения вещей следует искать, по нашему мнению, в особенностях исторического развития Чехии и всего региона за последние несколько столетий, см. [6]. В результате ряда исторических событий, приведших в итоге к трансформации Священной Римской империи как наднационального образования в империю наследственных земель габсбургской династии, Чехия из региональной сверхдержавы к XVIII веку фактически превратилась в австрийскую провинцию, а чешский язык оказался вытесненным (полностью или почти полностью) из большинства сфер функционирования естественного языка — сфер науки, литературы, повседневного общения значительной части населения Чехии и Моравии, оказавшейся к тому времени немецкой или германизированной. Вспомним, что в 1918 году Масарику и Бенешу, чтобы сформировать Чехословакию как мононациональное государство (с национальными меньшинствами — немцами, венграми, украинцами и т.д.), пришлось сделать основой государственной доктрины концепцию «чехословакизма», постулирующую существование «чехословацкого» этноса и «чехословацкого» языка, иначе немцы не укладывались в традиционное национальное меньшинство, см. [25].

Даже в сельской местности на рубеже XVIII—XIX веков целые регионы были немецкоязычными, в городах же чешский язык воспринимался зачастую как «язык служанок» (Dienerinnensprache). Видимо, чехов ждала участь полабских славян, без остатка растворившихся в немецком массиве, или лужицких сербов, растворяющихся сейчас. Весьма показательна ситуация, описанная в романе Б. Немцовой «Бабушка», когда зять главной героини (носящий не просто славянскую фамилию, но славянскую фамилию в её исконной, пока еще не германизированной огласовке — в отличие от, например, персонажа фильма Musíme si pomáhat (2000) пражского немца Хорста Прохазки (Horst Prohazka), фамилия которого отличается от очень распространённой чешской фамилии Procházka отсутствием знака долготы над буквой á, а также заменой диграфа «ch» на букву «h»), не умеет говорить по-чешски, ср:

С первой же встречи бабушка всецело завладела сердцами своих внучат и сама отдала им свое сердце. Пан Прошек, бабушкин зять, — с ним до сих пор она не была знакома — завоевал ее расположение своей добротой и сердечностью, которыми дышало его красивое лицо. Одно только огорчало ее: зять не говорил по-чешски. Сама же она если и знала что по-немецки, то давно забыла. А ей так хотелось поговорить с Яном! Однако зять утешил ее, уверив, что понимает чешскую речь. И в самом деле, бабушка сразу заметила — в доме говорят на двух языках. Дети и работницы обращались к пану Прошеку по-чешски, а он отвечал им по-немецки, и все хорошо понимали друг друга.

Тем не менее явно наметившаяся тенденция была преодолена. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский пишет «Подробное научное описание богемского языка немцам для обстоятельного изучения оного, богемцам же для совершенного понимания» [14], Йозеф Юнгманн составляет многотомный чешско-немецкий словарь [28], в который смело включает, богемизировав их огласовку, слова иных славянских языков, прежде всего польского и русского.

Однако Й. Добровский, составляя своё «Подробное научное описание…», ориентировался прежде всего на чешские художественные тексты так называемого добелогорского периода — периода расцвета чешской литературы в XVI — начале XVII столетия. В результате в этой грамматике оказались не отраженными вообще либо отраженными в недостаточной степени многие существенные изменения в фонетике, морфологии, син-

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

таксисе, произошедшие в собственно-чешских говорах более чем за два столетия, см. статью [10], где эти основные фонетические, морфологические и синтаксические особенности чешского обиходно-разговорного койне иллюстрируются примерами из популярного мультипликационного сериала и сопровождаются литературными соответствиями. Отметим, что отсутствие в чешском языке редукции безударных гласных делает противопоставление литературных и обиходно-разговорных/диалектных огласовок особенно выразительным, не позволяя воспринимать нелитературную форму просто как результат небрежного выговора.

Среди ответов на извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» можно услышать и весьма радикальные. Во всем виноват Й. Добровский, который вместо того, чтобы кодифицировать живой чешский язык, почему-то взял за образец язык средневековых манускриптов и инкунабул. Давайте же хоть сейчас (лучше поздно, чем никогда) кодифицируем этот живой язык, ср. материалы конференции в Оломоуце [29].

К сожалению, призывы подобного рода нельзя принимать всерьез. Во-первых, «живой чешский язык» — абстракция. Собственно-чешское обиходно-разговорное койне (obecná čeština), которое под «живым чешским языком» обычно понимается, не покрывает всей территории распространения чешского языка. Сделать обиходно-разговорный чешский язык (так переводила термин obecná čeština ведущий отечественный богемист минувшего столетия профессор А. Г. Широкова, см. [2]) языком литературным значило бы нарушить естественные права тех чехов, у которых другой «живой чешский язык» (например, obecná moravština — обиходно-разговорное моравское койне или obecná lašťina — обиходно-разговорное силезское койне).

Если и сейчас, после масштабных унификационных процессов XX века (мировые войны; преобладание городского населения над сельским; массовая коммуникация), нет единого «живого чешского языка», которым можно было бы заменить литературный чешский язык (успешно функционирующий), справедливо ли упрекать Й. Добровского, что он не нашел подходящего для кодификации «живого чешского языка» двести лет назад, когда чешские диалекты были практически законсервированы (тогдашний крестьянин, выбиравшийся пару раз в году в город или на ярмарку, всю свою жизнь слышал своих же соседей)? Кроме того, Й. Добровский, в общем-то, и не собирался ничего кодифицировать, так как «не считал, что чешский язык нужно развивать для тонкого языка искусства и научного стиля» [26, с. 35]. Он блестяще выполнил грандиозную задачу помочь современному ему читателю (читателю немецкоязычному, ведь написана его грамматика на немецком языке и в первую очередь для немцев — вчитаемся в само название его грамматики) познакомиться с чешской литературой добелогорского периода. Лишь так называемое «второе поколение чешского национального возрождения» (середина XIX века) вознамерилось «сделать из чешского языка развитый национальный язык, который мог бы <...> во всех областях жизни заменить немецкий язык» [26, с. 37]. Мы полагаем, что такое полувековое «запаздывание» связано с особенностями земского патриотизма многих тогдашних обитателей Чехии, которые очень долго предпочитали считать себя в первую очередь не чехами или немцами, а «богемцами», ср. [3, с. 15—18].

В результате, по образному выражению известных чешских лингвистов Петра Сгалла и Иржи Гронека, «у литературного чешского языка нет естественных носителей» (spisovná čeština nemá své rodilé mluvčí [27, с. 26]). Различия между кодифицированным литературным чешским языком (spisovná čeština) и сложившимся на базе собственно-чешских говоров обиходно-разговорным койне (obecná čeština) затрагивают практически все уровни языковой системы и настолько значительны, что, например, иностранцу легко может показаться, что речь идет о разных, пусть и о близкородственных языках, см. [8].

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

Чешский дошкольник знакомится естественным путем (т.е. через бытовое общение) с обиходно-разговорным койне либо диалектом, а затем идет в школу и начинает там зубрить парадигмы «родного» литературного языка (к этому процессу, естественно, могут подключаться и родственники). Весьма характерны две сценки из фильма Dědictví aneb kurvaseneříká (2012), в которых взрослые, вспомнив о своих обязанностях, поправляют ребёнка (в первой сценке ему исправляют диалектную огласовку возвратной частицы sa → se, во второй — диалектную форму 1 лица ед. числа глагола «быть» su → jsem). Примечательно, что присутствующий при первой сценке дед ребёнка (все они возвращаются с похорон его жены) воспроизводит сказанную внуком фразу в диалектной, а не литературной огласовке:

Сценка 1:

Ребёнок: *Co je to být mrtvý?*

Дедушка: *Mrtvý jsi když umřeš, když nežiješ.*

Ребёнок: *A babička už nežije?*

Мама: *Bude žít v našich vzpomínkách.*

Ребёнок: *Už sa nevrátí?*

Мама: *Se nevrátí. „Se“, ne „sa“. Se nevrátí.*

Дедушка: *Už sa nevrátí.*

Сценка 2:

Бабушка: *Dědeček je také smutný, víš? Musíš na něho být hodný.*

Ребёнок: *Já su na něho hodný.*

Бабушка: *[J]sem. Říká se [j]sem hodný.*

Немаловажную проблему представляет и сложившаяся терминология. В 30-е годы XX века богемистами Пражского лингвистического кружка была сформулирована «теория языковой культуры», в соответствии с которой «литературный чешский язык» (spisovná čeština) является высшей формой существования языка чешской нации и осваивается в процессе получения формального образования. Большинство же «обычных», то есть не получивших такого формального образования чешских обитателей исторического королевства Богемия говорят на «обиходно-разговорном [букв. ‘обычном’] чешском языке» (obecná čeština), сформировавшемся на базе собственно-чешских диалектов, см. [22]. Помимо «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского» «теория языковой культуры» оперирует понятием «разговорный чешский» (hovorová čeština), который предназначен для использования в неофициальных сферах общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский», см. [16]. Отметим, что в советской традиции термин hovorová čeština переводится на русский язык как «разговорный стиль чешского литературного языка». Этот «разговорный чешский» (hovorová čeština), будучи свободным как от чересчур книжных, так и от просторечных элементов, был призван, по замыслу его пропагандистов, выступать в роли своего рода фильтра, через который элементы «обычного чешского» должны проникать в «литературный чешский», пополняя и обогащая его, см. [15]. Схема spisovná čeština — hovorová čeština — obecná čeština продолжает использоваться до сих пор, хотя и вызывает всё больше возражений.

Самым уязвимым звеном данной схемы оказалась hovorová čeština. Как было показано еще полвека назад, в ситуации непринужденного общения даже весьма образованные чехи обращаются отнюдь не к некоему искусственно созданному для нужд интеллектуалов «разговорному чешскому», а к самому обыкновенному «обиходно-разговорному чешскому языку», см. [31, с. 227]. Необходимо отметить и то, что внутренняя форма термина hovorová čeština провоцирует отождествление обозначаемого им понятия с устной речью, так что лингвистам время от времени приходится подчеркивать, что высказывание

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

может быть устным, но не быть при этом «разговорным» и может быть «разговорным», будучи письменным, см. [23, с. 53]. Нечеткость и непоследовательность в употреблении термина hovorová čeština, связанная с неопределенностью обозначаемого им денотата, привели к тому, что один из наиболее авторитетных современных богемистов Фр. Данеш в посвященном тенденциям развития языковой ситуации в Чехии сборнике назвал «разговорный чешский язык» (hovorová čeština) «химерой», см. [20].

Термин obecná čeština, конечно же, гораздо более устойчив, чем термин hovorová čeština, в чем легко убедиться, задав соответствующий поиск в чешском секторе Интернета, однако и он подвергается критике.

Начнём с того, что в эпоху всеобщей грамотности «обычных», то есть не получивших формального образования, людей не осталось, однако «обиходно-разговорный чешский язык» отнюдь не слился ни с «разговорным чешским», ни с «литературным чешским» в единое целое и, судя по всему, не собирается это делать в ближайшее время. Отметим, что в отличие от русского просторечья, с которым «обиходно-разговорный чешский» иногда соотносится [1], использование в разговоре элементов «обиходно-разговорного чешского» свидетельствует не о «низком культурном и цивилизационном уровне» говорящего, а всего лишь о неформальной обстановке беседы [30, с. 59].

В результате во внутренней форме уже успевшего устояться термина активизировалось другое значение слова obecný, а именно значение ‘общий, совместный’ (отметим, что сходным спектром значений обладает и английское прилагательное common, употребляемое в английском варианте данного термина — obecná čeština/Common Czech, ср. obecný lid/common people, obecný majetek/common property).

Но является ли obecná čeština «общим языком» для всех чехов? Для немалого числа чешских граждан ответ будет отрицательным. В центральной Моравии свой «общий язык» — obecná hanáčtina («обиходно-разговорный [букв. ‘обычный’] обычный ганацкий», он же obecná středomoravština — «обиходно-разговорный [букв. ‘обычный’] центральноморавский»), на востоке и севере Моравии, а также в чешской Силезии позиции, которые могла бы занять obecná čeština, прочно заняты местными диалектами.

Это одна из причин, по которой «обиходно-разговорный чешский» нельзя просто кодифицировать, к чему призывают энтузиасты так называемой «концепции минимальной интервенции». Ведь такой «литературный чешский язык», возникший в результате механического переименования «обиходно-разговорного чешского», перестанет объединять всех представителей чешской нации, будучи чуждым для многих чешских жителей Моравии и Силезии.

Вторая не менее серьезная причина состоит в недостаточной определенности самого содержания термина obecná čeština. Для многих obecná čeština — это то, что противопоставлено «литературному чешскому», то есть своего рода набор собственно-чешских интердиалектных элементов, не совпадающих с соответствующими элементами литературного языка, причем речь идет об элементах разной степени употребительности, см. [11]. Мы можем встретиться и с мнением, что помимо «обиходно-разговорного чешского языка», сформировавшегося на базе собственно-чешских диалектов, можно говорить и о другом «обиходно-разговорном чешском» — своего рода койне, вышедшем как за географические, так и за социальные рамки собственно-чешского интердиалекта, см. [24]. Тем самым мы приближаемся к ситуации в германистике, где выделение нескольких вариантов «обиходно-разговорного немецкого языка» — привычное дело [13]. Подобные неоднозначные истолкования «обиходно-разговорного чешского» приводят к тому, что уже и о нем также говорят, как о химере [33].

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

Свою роль в происходящем сыграла и произошедшая в последнее десятилетие так называемая «корпусная революция» [9]. Создание крупных (миллиарды словоупотреблений) электронных корпусов и связанное с этим беспрецедентное расширение эмпирической базы исследований привело к необходимости пересмотра многих традиционных взглядов на то или иное языковое явление, которые ранее базировались во многом на интуиции исследователя (речь идет прежде всего о недостаточно документированных явлениях языковой периферии). Но дело не только в возможности надежно установить особенности функционирования малоупотребительных и маргинальных явлений, ср., например, [4], [7], [12]. Обращение к корпусу позволяет придать двумерному грамматическому описанию объем за счет введения третьего измерения — статистической характеристики описываемого, см. [5]. Однако поскольку исследователи обращаются к тем корпусам, которые имеются в наличии, то есть к корпусам письменных и устных чешских текстов (а отнюдь не к несуществующим корпусам «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского»), то и на выходе получаются описания «письменного чешского» (*чеш.* psaná čeština, *англ.* written Czech) или «устного чешского» (*чеш.* mluvená čeština, *англ.* spoken Czech), ср. [24]. Следует отметить и то, что термин spisovná čeština, обязанный своим возникновением господствовавшей некогда франкофонной ориентации чешской лингвистической терминологии, всё чаще заменяется калькой с соответствующего английского термина «стандартный чешский» (*чеш.* standardní čeština, *англ.* standard Czech). Определённая тенденция к отказу от классической дихотомии «литературный чешский» — «обиходно-разговорный чешский» в пользу дихотомии «письменный чешский» — «устный чешский» прослеживается и в учебной литературе, ср., например, [19, с. 55—56].

Положительной стороной сложившейся ситуации являются богатейшие возможности использования оппозиции «литературный чешский язык» — «обиходно-разговорное койне» в качестве яркого стилистического средства. Обиходно-разговорные и диалектные (интердиалектные) элементы используются в художественной литературе и кинематографе в качестве одного из важных средств создания речевых портретов персонажей именно в силу их «неправильности». Как много это значит, видно на примере популярного чехословацкого сериала 70-х годов о следователе Земане. Поскольку большинство персонажей тридцати фильмов шпионско-криминального сериала не особенно искушены в изящной словесности, обиходно-разговорные и сленговые выражения зритель слышит с экрана вполне регулярно. Однако в «чешских титрах для людей с дефектами слуха», которыми сериал снабдила фирма PRAGUE PROMOTION s.r.o, выпустившая в 2008 году на пятнадцати DVD 30-серийный сериал в качестве «памятника тоталитарной эпохи», идет литературный чешский язык (spisovná čeština). Как много теряет фильм при «переводе» на литературный чешский язык, в данном случае буквально видно невооруженным глазом, ср. некоторые фразы из первой же сцены первой же серии (нелитературные слова и огласовки выделены полужирным):

Звук: ***Hergot***, *chlapi, vy jste* ***vopravdu*** *jako nemluvňata,* ***fakt****!*
Титры: *Chlapi, vy jste jako nemluvňata!*

Звук: *Snad tam budou potřebovat* ***felčara****.*
Титры: *Snad tam budou potřebovat doktora.*

Звук: *Už v* ***Český Třebový****. Pak to nemám daleko.*
Титры: *V České Třebové přestoupím*.

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

Как нам представляется, значительную, если не основную долю комического в «Приключениях бравого солдата Швейка» Я. Гашека составляет именно макаронизм текста (чешский литературный язык + обиходно-разговорное койне, обильно сдобренное вульгаризмами, + германизмы + немецкий язык). В русском переводе П. Богатырёва (наиболее удачном из существующих, по мнению крупнейшего чешского специалиста по Я. Гашеку Р. Пытлика [Radko Pytlík] — в личной беседе с автором настоящих строк) «степень макароничности» понижается за счет неизбежного исчезновения противопоставления «литературный чешский язык» — «обиходно-разговорное койне» (кое-где сохранены немецкие вкрапления, однако в оригинальном чешском тексте этих вкраплений все равно было намного больше, они приводятся там не только в немецкой орфографии, но и «по-чешски» — в разной степени исковерканности типа *kvér* < *das Gewehr, frajtr* < *der Gefreite* и т.д.), ср. следующий фрагмент из романа Гашека, в котором мы находим, во-первых, приведенные по-немецки команды *Ruht!* и *Abtreten!*, во-вторых, освоенные чешским языком германизмы *lump(ové)* (нем. der Lump) и *držet hubu* (нем. das Maul halten), в-третьих, слова *obršt, regiment, drek, kumpačka, defilírovat*, которые по-немецки должны были бы выглядеть как *der Oberst, das Regiment, der Dreck, die Kompanie, defilieren*, а по-чешски, соответственно, как *plukovník, pluk, lejno, rota, slavnostně pochodovat*, при этом лексема *drek* ‘дерьмо’ и фразеологизм *držet hubu* ‘≈ заткнуть [себе] пасть’ относятся также и к вульгаризмам, а нелитературная лексема *herka* ‘кляча’ и нелитературные огласовки *vodjela, celej* — к обиходно-разговорному койне:

*Potom, když komise **vodjela**, dal si nás pan **obršt** všechny seřadit, **celej regiment**, a povídá, že voják je voják, že musí **držet hubu** a sloužit, jestli se mu něco nelíbí, tak že je to porušení subordinace. ‚Tak jste si, **lumpové**, mysleli, že vám ta komise pomůže,‘ povídá pan **obršt**, ‚**drek** vám pomohla. A teď bude každá **kumpačka** kolem mne **defilírovat** a opakovat hlasitě, co jsem řekl‘. <…>, **Ruht**!‘ povídá pan **obršt** a chodí po dvoře, seká si bičíkem přes holinky, plivá, pak najednou se zastaví a zařve ‚**Abtreten**!‘, sedne si na svou **herku** a už je z brány venku.*

Как мы видим несколькими строками ниже, при переводе данного фрагмента П. Богатырёву удалось сохранить лишь две упомянутые немецкие команды, хотя он и пытался компенсировать исчезнувший макаронизм текста стилистическим контрастом сниженной и возвышенной лексики (*ни хрена — пусть громогласно повторит*):

Когда комиссия уехала, полковник выстроил всех нас, весь полк, и заявил, что солдат есть солдат, должен держать язык за зубами и служить, а если кому не нравится, то это нарушение дисциплины. «А вы, мерзавцы, думали, что вам комиссия поможет? — сказал полковник. — Ни хрена она вам не помогла! Ну, а теперь пусть каждая рота промаршрует передо мною и пусть громогласно повторит то, что я сказал». <…> „Ruht!“ — командует полковник, а сам мечется по двору, хлещет себя хлыстом по сапогу, плюется, а потом вдруг остановился да как заорет: „Abtreten!“ Сел на свою клячу и вон.

При переводе книги на немецкий язык исчезают последние остатки макароничности и остается один лишь авторский юмор, не всегда понятный нашему современнику (смешно то, что в иных условиях могло бы быть страшно, поэтому изменившиеся исторические и социокультурные условия могут привести к совершенно иному восприятию одного того же текста). Поэтому, наверное, не случайно многие русские и почти все немцы из круга знакомых автора статьи воспринимают данную книгу Я. Гашека как скучноватую. Отметим, что при озвучивании роли Швейка в кинематографе немецкие актеры коверкают произношение, имитируя «богемский» выговор немцев из Чехии, Моравии, Словакии — Böhmakeln (тем самым макаронический текст оригинала замещается псевдомакаронической текстом перевода), см. [32].

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

Поскольку в диглоссную оппозицию с литературным чешским языком может вступать не только чешское обиходно-разговорное койне, но и тот или иной диалект, то и он может фиксироваться в художественном тексте, ср. три примера из чешской «школьной классики», а именно (1) из романа А. Ирасека Psohlavci, (2) из комедии Л. Строупежницкого Naši furianti, (3) из драмы А. Мрштика и В. Мрштика Maryša (нелитературные лексемы, формы и огласовки выделены полужирным).

(1)

*„Co **nového** v městě?“ ptal se hospodář.*

*„Ne moc. Povídali si **tám** v krčmě dva **súsedé**, **ha** já **by súdil**, že **buli** od **městskyho** práva, že se páni po nás **ptáli**. **Šak tám strejček draženovskej teky sedíli ha všecko slyšíli**.“*

*„Po kom že se **ptáli**?“ zvolal kvapně hospodář.*

*„Po **chodovskejch právích**. Na **húřadě** v městě. **Chtíli** ty **psaný** práva, víš, co **buly** na **našom** zámku.“*

*„Ha **hdo** je **chtíl**?“*

*„**Bul** tam z **Kúta** ten správčí Koš a z Trhanova. Nu, **súsedé** se **smíli**, že toho **popádli**. Nevím, co se **všecko dílo**, **hale** ten Koš se **prej** sápal **ha** prál, **šak** že **von tranovskej** pán **Chodovákom hukáže**.“* (Jirásek A. Psohlavci)

Приведенный фрагмент из разговора двух персонажей исторического романа А. Ирасека изобилует такими характерными особенностями ходских говоров, как протетическое *h* (*ha, na húradě, hale* в соответствии с литературными *a, na úřadě, ale*), рефлексы продления кратких гласных перед эловым причастным суффиксом (*ptáli, sedíli, slyšíli, chtíli, popádli, dílo* в соответствии с литературными *ptali, seděli, slyšeli, chtěli, popadli, dělo*) и, наконец, гласный *u* в формах эловых причастий глагола «быть» (*buli, buly, bul* в соответствии с литературными *byli, byly, byl*).

(2)

MARKÝTKA (*jde do popředí a pozdravuje Bláhu i Hahršperka mluví domažlickým nářečím*). ***St'astnej dobrej** večer, **staisodi**!*

HABŠPERK, BLÁHA: *I dejž to **pámbu**, panno Markýtko.*

HABRŠPERK (*žertovně*): *I **čechmanta**, panno Markýtko, vy jste letos ještě hezčí než jste byla loni. Tváře máte jako maliny. (Chce ji objati.)*

MARKÝTKA *(odstrčí jej rázně loktem)*: ***Hýč**! Ty **maleny** pro vás nerostly! (Odskočí.)*

BLÁHA (*přiskočí k ní s druhé strany a chce ji objati*): *Ale pro mě, viďte, panno Markýtko!*

MARKÝTKA *(odstrčí Bláhu)*: *Ale **dite**! Pro vás, **strejko**, **teky** ne.* (Stroupežnický L. Naši furianti)

В данном эпизоде торговка Маркитка говорит, о чем предупреждает ремарка, на домажлицком диалекте, хотя в последующем действии её идиолект мало отличается от идиолектов прочих персонажей — носителей южно-чешских говоров, близких чешскому обиходно-разговорному койне, ср.:

MARKÝTKA *(pije)*: *Stálé zdraví, **strejčku**. (Vrátí Petrovi sklenici.) Ale **strejčku**, vy si umíte **ňák divčata** dobírat!*

PETR: *I **jaký** pak dobírání, panno Markýtko! **Všecko** od srdce! A třeba jsem byl už **starej** dědek, když vidím takovou hezkou mladici v tomhle tom pěkném staročeském kroji, tak se mi srdce v těle rozpálí a je mi tak, jako by se mi tuhle (ukáže si na srdce) skřivánek třepetal a svou jarní písničku vesele prozpěvoval.*

MARKÝTKA: *No, **strejčku**, vy jste musel za **svýho** mládí **bejvat** náramně **veselej** chasník!*

PETR *(s humorem)*: *I **pardie**, to jsem **bejval**! I **bejval**! **Já uměl ňák** holky prohánět. A kdybych já byl dnes **mladej** — no, panno Markýtko, nevím, nevím… vy se mi **saprahertsky** líbíte.*

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

MARKÝTKA: *Ale* ***díte****, pantáto. —* ***Rač*** *by jste mi* ***moh řect****, kde je pan přednosta… já mám od rána něco na srdci, co bych mu ráda řekla…* (Stroupežnický L. Naši furianti)

Подробный анализ языка пьесы можно найти в [34].

(3)

LÍZAL *(po čas vzdalujícího se zpěvu mlčí, ohlíží se po vsi a mračí se. Teprv když hluk zalehne, obrátí se k Vávrovi). Tak tomu hříběti jen dobře nohu zavaž a hodně často boláčku* ***vlažnó vodo*** *vyplachuj. Do* ***tédňa*** *bude zas skákat jako jelen. Má vranka taky to měla —* ***šak*** *na zadní noze a* ***včil*** *— viděl's* ***ju****! Do Austrálie s* ***ňó možu*** *jet. A pacholkovi vyhubuj;* ***šak aji*** *dívce. Proč nedá na dobytek pozor! Jak nemá dobytek opatrnost co* ***chvíla*** *se něco stane.*

VÁVRA *(drží v ruce proutek a pošvihuje jím holínky. Tvář má čistě oholenou, tvrdou, ale zdvořile vlídnou). Eh, málo* ***platný*** *je to hubování. Hubuju, peskuju, křičím, hromy svolávám, prosím* ***celé deň*** *a nic naplat. Už sem dvě děvečky vyhnal, onehda pacholkovi sem* ***aji*** *nabil a čerta je to* ***platný****. Koně v maštali* ***můžó*** *se zabít — ani se* ***teho*** *nevšimne. (Švihne proutkem.)* ***Dělé*** *co* ***dělé****, všecko jde na ruby.* ***Děcka roztrhaný****, špína z nich jen kape, dobytek zdechá a kde kdo ruce má, krade jako straka. (S důrazem a povzdechem.) Statku moc a dohledu nikde. Myslím, že to dám do* ***pachtu*** *— nebo (anebo) to prodám.*

LÍZAL. *To* ***só*** *mně řeči!* ***Dobrý*** *prodáš a* ***špatný kópíš****. A co s pachtem?* ***Mlén*** *ti* ***rozlámó****, pole nezmrví,* ***nezvorají****, vycucají až do posledního a abys čekal zas pět nebo šest let, než to přivedeš do pořádku (odmlčí se). Co je pravda — to je pravda, statku máš dost a* ***krásnýho*** *statku. Rolí dost,* ***čisté*** *dobytek, krávy jako ze dvora — ale jak sem už povídal — žena ti umřít neměla. Tak zůstat nemůžeš. — Domluv se a je.* (Mrštík A., Mrštík V. Maryša)

В открывающем драму Maryša диалоге, как и в последующих сценах, персонажи говорят на смеси ганацкого (центрально-моравского) и брненского диалектов. Впрочем, в задачу обратившегося к диалектному материалу автора художественного произведения входит не лингвистически точная фиксация, а создание местного колорита, в данном случае колорита моравской деревни. Кроме того, текст должен быть понятен читателю и зрителю, а не только специалисту-диалектологу.

Названный эффект достигается использованием таких известных всем чехам фонетических моравизмов, как долгий [ē] в соответствии с собственно-чешским дифтонгом [eı]; краткий [e] в соответствии с чешским кратким [i], восходящим к этимологическому краткому [y]; долгий [ō] или долгий [ū] в соответствии с чешским дифтонгом [ou] после твёрдого или долгим [ī] после мягкого согласного; краткий [o] или краткий [u] после мягкого согласного в соответствии с чешским кратким [i], краткий [a] после мягкого в соответствии с чешским кратким [e], ср. *dělé co dělé, mlén, celé, čisté; to só mně řeči, kópíš, rozlámó, s ňó; ju; chvíla*, которые в обиходно-разговорном чешском койне могли бы выглядеть как соответственно *dělej co dělej, mlejn, celej, čistej; to jsou mi řeči, koupíš, rozlámou, s ní, ji, chvíle*, а в чешском литературном языке — как *dělej co dělej, mlýn, celý, čistý; to jsou mi řeči, koupíš, rozlámou, s ní, ji, chvíle*. Не обошлось и без лексического моравизма *včil*.

Отметим, что в видеозаписи данного спектакля, выполненной по заказу Чехословацкого телевидения в 1983 году в театре города Градец Кралове, актеры, в целом корректно воспроизводя авторский текст, могут иногда придавать моравскую огласовку также и тем словам, которые в книжном тексте выглядели «по-чешски». Например, в приведенном выше фрагменте диалога вместо *Myslím, že to dám do pachtu* звучит (причем звучит после паузы, когда зрительское внимание сосредоточено на последующих словах персонажа) ***Meslím****, že to dám do pachtu;* вместо *pole nezmrví, nezvorají, vycucají až do posledního* звучит *pole nezmrví,* ***nezvorajó****,* ***vycucajó*** *až do posledního*, а вместо *Tak zůstat nemůžeš* мы слышим *Tak* ***zuostat nemóžeš****.* Вспомним в связи с этим наблюдение в [18], что зритель готов воспринять больше диалектизмов, чем читатель, хотя, казалось бы, должно быть

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

наоборот — ведь в распоряжении читателя могут быть сноски и комментарии, тогда как зритель этого лишен.

В большинстве случаев использования диалекта в художественном произведении диалектные элементы (вернее, их художественная имитация) группируются в репликах персонажей, сам же собственно авторский текст не отклоняется или отклоняется весьма незначительно от правил литературного языка.

Тем не менее бывают случаи, когда диалект проникает и в собственно авторский текст, как, например, в сборнике рассказов З. Галушки Slovácko sa súdí aj nesúdí, по которому в 1974 году был снят 12-серийный телевизионный сериал Slovácko sa nesúdí (актеры играют также на диалекте). Ср. начало рассказа Poslední súd:

Abych pravdu řekl, ***nebýl*** *sem ve* ***svéj koži****.* ***Vrátil*** *sem* ***sa*** *do* ***svéj rodnéj dědiny*** *po nekolika* ***rokoch*** *a* ***moja*** *první cesta* ***védla*** *k* ***súdu****. Kdysi sem tam* ***chodil*** *každý* ***týdeň*** *a* ***furt*** *bylo o čem* ***psat****. Tož sem* ***býl*** *zvědavý, co* ***sa*** *za* ***tú*** *dobu přihodilo...*

Ve starém zámku, kam si ***ludé*** *chodili pro* ***spravedlnosť****, sem* ***sa*** *dověděl, že si ani* ***nepamatujú****, kdy naposledy tam od nás* ***nekeho súdili****. Z* ***teho*** *sem* ***býl*** *tak udivený, že sem* ***sa hnedkaj*** *vypravil za* ***stařečkem*** *Pagáčem,* ***lebo*** *to byla jediná „informační kancelář“. Co* ***sa*** *kde v* ***dědině šústlo****, o* ***tem hnedkaj věděli*** *a* ***enom*** *tam bych* ***sa*** *mohl něco dovědět.*

Přivítali ňa *jak* ***ztraténého*** *syna a* ***zvědavo nahlédali*** *do kufra,* ***který*** *sem* ***donésl****.* ***Dyž*** *tam našli* ***nekolik paklí*** *tabáku z* ***všelijakýma malovanýma obrázkama*** *a dvě* ***fajky*** *— jednu z* ***tú dlúhú tréskú*** *— nebyli k* ***udržání****.* ***Hnedkaj ju*** *zmontovali, nacpali „****tým*** *voňavým,* ***který*** *myslím* ***kúřijú*** *enom pán farář“, a posvátno bafali. Pochodovali po* ***izbě*** *z vyvaleným* ***břuchem*** *a pochvalovali si: „****Takú faju nemajú*** *ani lékárník a nadlesní už* ***teprú neé****! Chlapče, toto ti* ***nikdá*** *nezapomenu — z* ***téj*** *budu* ***kúřit enom*** *v* ***nedělu*** *po požehnání a* ***chlapom ju*** *ukážu* ***enom*** *přes okno!“*

В только что приведенных, равно как и в последующих, строках цитируемого сборника представлен диалект так называемой Моравской Словакии (по-чешски Slovácko), граничащей, но отнюдь не совпадающей с самим государством Словакия (по-чешски Slovensko).

Проникновение диалекта в область функционирования литературного языка (в данном случае в собственно авторскую речь) способствует разрушению рассмотренной выше диглоссии «литературный чешский язык — обиходно-разговорное койне/диалект». Этому же способствует и экспансия диалектного текста в средства массовой информации, ср., например, статьи Л. Ветвички (Ladislav Větvička) на одном из ляшских диалектов, которые он регулярно размещает не только в своем блоге http://vetvicka.blog.idnes.cz/, но и на популярном электронном ресурсе http://protiproud.parlamentnilisty.cz/autor/ladislav-vetvicka.htm.

В результате существовавшая в течение довольно длительного времени на территории Чехии, Моравии и Силезии диглоссная ситуация буквально на наших глазах превращается в постдиглоссную.

Список использованной литературы

1. Бельчиков Ю. А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 402.

2. Васильева В. Ф., Широкова А. Г. Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник. М., 2003. Вып. 1. С. 46—69.

3. Веверкова К. Земский патриотизм педагога и священника немецкой национальности Антона Кромгольца (1790—1869) в водовороте революционного 1848 года: размышления над церковно-юридическими аспектами сосуществования чехов и немцев в Чехии // Правова держава. Одесса : Астропринт, 2012. Вып. 14. С. 12—18.

4. Изотов А. И. Чешский национальный корпус и аналитический императив: опыт корпусного анализа малоупотребительных и маргинальных языковых единиц // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 2. С. 4—11.

5. Изотов А. И. Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008.

6. Изотов А. И. Литературный чешский язык и обиходно-разговорное койне // Язык, сознание, коммуникация. М. : МАКС Пресс, 2008. Вып 36. С. 64—69.

7. Изотов А. И. Опыт корпусного анализа чешских директивных и директивно-комиссивных перформативных глаголов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2012. № 3. С. 99—107.

8. Изотов А. И. Обиходно-разговорный чешский язык — химера или реальность // Альманах современной науки и образования. 2013. № 12 (79). С. 69—72.

9. Изотов А. И. Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1. С. 68—71.

10. Изотов А. И. Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2013. № 1. С. 52—60.

11. Изотов А. И. Опыт корпусного анализа чешской обиходно-разговорной лексики в сопоставительном плане // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2014. № 1. С. 67—76.

12. Изотов А. И. К проблеме построения учебного словаря субстандартного языка // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2 (14). С. 82—88.

13. Меркурьева В. Б. О разграничении диалекта и обиходно-разговорного языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, № 2. С. 124—130.

14. Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen / Von Joseph Dobrowsky. Prag, 1809.

15. Bělič J. Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné // Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha : NČAV, 1958. S. 59—71.

16. Bělič J. Bojujme za upevňování a šíření hovorové češtiny // Český jazyk a literatura. 1959. № 9. S. 433—441.

17. Bermel N. O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost. Praha. 2010. № 1. S. 5—30.

18. Chloupek J. Nářečí ve filmu o slovácké vesnici // Naše řeč. 1955. № 7—8. S. 217—221.

19. Cvejnová J. Česky, prosím II. Učebnice češtiny pro cizince. Praha : Karolinum, 2012.

20. Daneš Fr. Pojem „spisovného jazyka“ v dnešních společenských podmínkách // Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. Praha: PFUK, 1988. S. 21—28.

21. Ferguson Ch. Diglossia // Language and Social Structures / ed. P. P. Giglioli. London : Penguin, 1972. P. 232—251.

22. Havránek B. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // Spisovná čeština a jazyková kultura / eds. B. Havránek, M. Weingart. Praha : Melantrich, 1932. S. 32—84.

23. Hrbáček J. Hovorová čeština // Přednášky z XXXIV. a XXXV. běhu letní školy slovanských studií. Praha : FFUK, 1995. S. 53—61.

24. Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / eds. Čmejrková S., Hoffmannová J. Praha : Academia, 2011.

25. Obrátil K. J. Čítanka Dr. Edv. Beneše. Brno : O. Sobek, 1936.

26. Petr J. Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1. Praha, 1989. S. 5—38.

27. Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Praha : H&H, 1992.

28. Slownjk česko-německý Josefa Jungmanna. Praha, 1835—1839.

29. Spisovná čeština a jazyková kultura: Sborník z olomoucké konference 23—27.8.1993. Praha, 1995.

30. Štícha Fr. K pojetí spisovnosti // Spisovná čeština a jazyková kultura / eds. J. Jančáková, M. Komárek, O. Uličný. Praha : FFUK, 1995. S. 57—60.

31. Švehlová-Dvončová J. Dvě stati A. G. Širokovové o češtině // Slovo a Slovesnost. 1956. № 4. S. 226—230.

32. Torberg F. Anhang : Als noch geböhmakelt wurde // Torberg F. Die Tante Jolesch und die Erben der Tante Jolesch (Doppelband). München : Verlag Langen Müller, 2008. S. 615—620.

33. Uličný O. K diferenciaci spisovného jazyka / ed. D. Davidová. Ostrava : FFOU, 1994.

34. Utěšný S. Lidový jazyk v Stroupežnického „Našich furiantech“ // Naše řeč. 1954. № 3—6. S. 115—123.

Поступила в редакцию 03.07.2015 г.

Электронный научный журнал (Online). ISSN 2303-9922. http://www.vestospu.ru

Изотов Андрей Иванович, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, I корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет
E-mail: a.i.izotov@mail.ru

UDC 811.162.3

A. I. Izotov

Dialect in Czech fiction

The paper regards a phenomenon of vernacular Czech koine alias Common Czech, spread in most of the Czech Republic, in respect to Standard Czech with which it enters into relations of diglossia. The rest territories of the country host the same relations between Standard Czech and local dialects (interdialect). This situation though not systematically is revealed in fiction. The expansion of vernacular Czech koine/dialect in the areas traditionally dominated by Standard Czech contributes to the transformation of diglossia into post-diglossia.

Key words: dialect, vernacular Czech koine, Standard Czech, diglossia, code-switching, register, fiction.

Izotov Andrey Ivanovich, Doctor of Philological Sciences, Professor
Lomonosov Moscow State University
119899, Moscow, Leninskie gory, MSU, I Humanities, School of Philology
E-mail: a.i.izotov@mail.ru